

ПО ТРОПЕ ХО ШИ МИНА

В этих джунглях нашли смерть 2 миллиона вьетнамцев и 58 тысяч американских солдат; сегодня здесь можно встретить лишь тигров и ядовитых змей

Яцек Палкевич

Фото автора и Игоря Михалева

Насекомые страшнее тигров

Жара стоит невыносимая. От запаха гниющей растительности кружится голова и перехватывает горло. Пот струйками стекает по спине, а глаза щиплет от репеллента, которым мы стараемся защититься от насекомых и который каплет теперь со лба. В этой сумасшедшей и агрессивной среде, где человеку нет места, слышны лишь призывные крики обезьян, да изредка тропинку, по которой мы продвигаемся вперед, бесшумно пересечет быстрая, как молния, змея.

Мы во Вьетнаме, в двух днях пути от границы с Камбоджей. Мы идем по знаменитой тропе Хо Ши Мина, той самой, по которой вьетконговцы получали подкрепления и которая играла стратегическую

роль в войне с американцами. Чтобы получить необходимые бумаги, разрешающие посетить закрытую зону, мне пришлось несколько раз слетать в Ханой. Я долго убеждал местных функционеров, которые привыкли быть неусыпно бдительными и потому питали особую подозрительность к любому иностранцу, что они непременно должны выдать мне необходимый пропуск. И вот мы здесь.

Мы путешествуем верхом на слонах, по горло погрузившись в негостеприимную среду, где малярия и другие инфекционные тропические болезни пожирают свою жатву — человеческие жизни, где больше

всего следует бояться не тигров и пантер, а насекомых, от которых нет спасения.

...Слоны, слегка покачиваясь, продвигаются вперед размеренным шагом. К 16 часам останавливаемся на берегу какого-то ручейка — здесь хорошее место для привала. Для пу-

В этой сумасшедшей и агрессивной среде, где человеку нет места, слышны лишь призывные крики обезьян, да изредка тропинку, по которой мы продвигаемся вперед, бесшумно пересечет быстрая, как молния, змея

тешествующего по этим местам главное — мужество, а вот на второе место следует поставить умение найти безопасное место для отдыха.

Махуты — погонщики слонов — распускают ремни, снимают с животных поклажу, затем спутывают передние ноги этих колоссальных существ, делая это очень осторожно и так, чтобы они недалеко и в то же время спокойно могли бы питаться, бродя в окрестностях. А мы тем временем приводим в порядок пространство вокруг нашего лагеря, чтобы рептилии и другие животные не могли бы незаметно к нам подобраться.

Наш ужин скромнен. Каждый день мы едим одно и то же: вареный рис с соусом из сушеной рыбы и немного дикой зелени. Пьем стерилизованную воду и горячий чай. Я устраиваю всем сюрприз: вытаскиваю бутылку «Меконга», отвратительнейшего тайландского виски, — этим торжественным аккордом и заканчивается наш банкет. Усевшись вокруг костра и аккуратно разместив поблизости мокрые дымящиеся головешки — только так здесь отпугивают комаров, мы слушаем рассказ Куана, нашего ханойского друга, — еще будучи мальчиком, он не раз проходил по этим местам.

Начало

«В ночь на 7 февраля 1956 года, — рассказывает Куан, — мы атаковали лагерь «зеленых беретов» у аэропорта Плейку Camp Holloway. Наша атака была для них полной неожиданностью, и нам удалось уничтожить десять самолетов — транспортных и разведчиков. Потери с нашей стороны были минимальные, зато мы убили восемь американцев и ранили около сотни. Я тоже был ранен — в правую руку и в спину. Несколько месяцев лечился в импровизированном полевом госпитале на камбоджийской территории.

В тот же день Пентагон предпринял ответную атаку на объекты Северного Вьетнама. Это было начало подлинного вступления Соединенных

Племена аборигенов, веками населявшие этот регион и занимавшиеся охотой на тигров и слонов, проложили здесь свои охотничьи тропы. Тысячелетиями этими тропами пользовались и торговцы: их караваны перевозили из Китая в города Южной Азии различные товары, золото, деньги

Штатов во вьетнамскую войну, которая длилась десять лет.

Куан рассказывает историю тропы Хо Ши Мина, которая проходила по территориям Лаоса и Камбоджи и петляла между холмами Южного Вьетнама. Нет, это вовсе не была одна непрерывная тропа — это была очень сложная сеть переходов по зарослям тропического леса. Племена аборигенов, веками населявшие этот регион и занимавшиеся охотой на тигров и слонов, проложили здесь свои охотничьи тропы. Тысячелетиями этими тропами пользовались и торговцы: их караваны перевозили из Китая в города Южной Азии различные товары, золото, деньги. Караваны эти состояли из пеших носильщиков.

Они шли пешком, с трудом продираясь сквозь заросли влажных тропических лесов, обливаясь потом, а потом, в горах, дрожали под порывами ледяного ветра. Их преследовали полчища комаров и каких-то мелких насекомых, которых они порой не могли даже и различить.

Все это сполна испытали на себе и северовьетнамцы, которым довелось идти по тропе Хо Ши Мина. Как правило, каждый брал с собой небольшое количество риса, другое продовольствие, медикаменты, сменную одежду, гамак, непромокаемый тент, — получался рюкзак весом 12—15 килограммов. За время дороги эти отряды несли потери — однако больше, чем американские бомбы, их косили малярия, дизентерия и другие болезни. Те же, кому удавалось выстоять, через пять недель пребывали к месту назначения.

Тропа превратилась в сеть инженерных сооружений, способных перебрасывать на юг самые современные военные средства. Батальоны вьетконговцев, которые прежде могли рассчитывать лишь на старое французское оружие или на американское оружие, отнятое у южновьетнамских войск, теперь получили орудия, ракетные установки, автоматы Калашникова, пулеметы и боеприпасы к ним

Стройка века

Полковник не скупился. Он использовал батальоны инженерных войск, которые снабжались советскими и американскими строительными материалами. Прокладывали дороги, возводили мосты, способные выдержать самые тяжелые танки и другие боевые машины. Предвидя возможность американских бомбардировок, создавали системы противовоздушной обороны, строили целые подземные городки, где предполагалось разместить ремонтные мастерские, госпитали, продовольственные склады и склады горючего.

Считается, что за весь 1964 год с севера на юг было переправлено 10 тысяч солдат. Цифра ничтожная, особенно если сравнить ее с показателями 1967 года, когда Северный Вьетнам ежемесячно отправлял на юг более 20 тысяч бойцов. Тропа превратилась в сеть инженерных сооружений, способных перебрасывать на юг самые современные военные средства. Батальоны вьетконговцев, которые прежде могли рассчитывать лишь на старое французское оружие или на американское оружие, отнятое у южновьетнамских войск, теперь получили орудия, ракетные установки, автоматы Калашникова, пулеметы и боеприпасы к ним.

Потребности вьетконговских соединений сводились к минимуму. В отличие от южновьетнамской армии и от американцев, они не испытывали необходимости в горючем и запчастях. Я уже не говорю о пиве, мыльной

пене, борotalьке и других предметах роскоши, которые американские солдаты почему-то считали предметами первой необходимости. А вьетконговцам и соединениям северовьетнамских войск нужно было всего 15 тонн боеприпасов в день, чтобы продолжать свое наступление на юг. В то время Советский Союз и Китай поставляли Северному Вьетнаму ежедневно около 6 тысяч тонн «помощи».

Аборигены

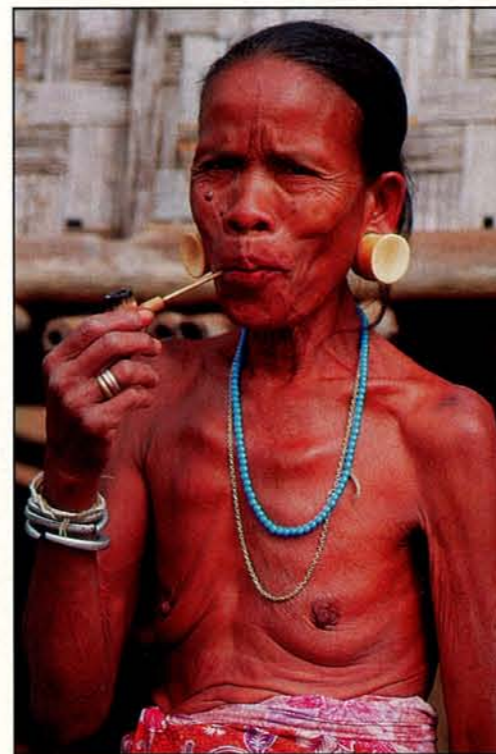
Когда я спрашиваю Куана о его встречах с яраями — племенами аборигенов, всегда обитавших в регионе, где мы сейчас находимся, красноречие его иссякает. Даже голос становится тише. «Эти люди, — говорит он, — охотились за нами. Их вооружили и обучили «зеленые береты», дали им задание патрулировать обширную зону на границе с Камбоджей. Яраи старались всячески препятствовать нашему проникновению на территорию Южного Вьетнама. Я думаю, что почти тридцать тысяч представителей этих племен поддерживали американцев».

С тех пор прошло много лет, и многое изменилось и в этой стране. Куан, теперь уже как член нашей экспедиции, идет по земле, где живут люди, ненавидящие вьетнамцев. Яраи, отвергнув притязания Ханоя, который хотел «цивилизировать» их, продолжают жить в полной изоляции, в самых первобытных условиях, сохраняя в неприкосновенности и собственный язык, и свои обычаи и нравы. Их зовут «мои» — что значит «дикие», латиня называют «кхе» — «рабы» и относятся с явным презрением к этим племенам, за плечами которых вековая история...

С первыми лучами солнца махуты пригоняют слонов. Услышав крик «Друм! Друм!», огромное животное, весом не менее четырех тонн послушно опускается на колени. Грузим на слоновьи спины наш багаж, стараемся расположить его так, чтобы распределялся равномерно с обеих сторон. Звучит новая команда — «Нау!» — слоны поднимаются с колен, и наше путешествие продолжается.

К 9 часам уже жарко, затем температура поднимается еще и еще, жара становится просто невыносимой. Выпавший дождь превратил верхние слои почвы в жидкую грязь, идти тяжело, даже на маленький

холмик мы взбираемся с таким трудом, словно это высокая гора. Нашим огромным и гордым млекопитающим тоже трудно передвигаться по такой почве. Ко всему этому надо прибавить еще и колючие кустарники и острый бамбук, они царапаются, защи-

Женщины яраи ходят с открытой грудью, у мужчин — набедренные повязки. Курят все, даже дети — правда, начиная с пяти лет. Женщины предпочитают трубки. Эти люди как бы стоят на краю другой планеты, они крепко держатся за свой жизненный уклад, они всегда отвергали стремления вьетнамцев повлиять на их жизнь

щаясь от нашего непрошеного вторжения. Время от времени на майках появляются пятнышки крови — следы пиршества отравительных древесных пиваков.

Наконец к полудню на нашем пути возникает деревушка. Она состоит из нескольких избушек, поднятых над землей на сваях. Деревушка принадлежит одному из племен яраи. Нас окружают, смотрят с удивлением и любопытством, улыбаются, выражая тем самым собственное расположение и дружеские чувства. Женщины здесь ходят с открытой грудью, у мужчин — набедренные повязки. Курят все, даже дети — правда, начиная с пяти лет. Женщины предпочитают трубки. Эти люди как бы стоят на краю другой планеты, они крепко держатся за свой жизненный уклад, они всегда отвергали стремления вьетнамцев повлиять на их жизнь.

Старейшина деревни приглашает нас на ужин. В качестве аперитива нам предлагают крепкий напиток — «роун ге»: подобие рисовой водки. Напиток налит в огромный кувшин, и мы пьем непосредственно из него — с помощью полой бамбуковой палочки.

Каждый из нас должен выпить как можно больше. Это очень важно, так как церемония угощения из кувшина имеет большое значение: она помогает хозяевам установить, с дружескими ли намерениями появились в их доме чужие люди или их не стоит пускать на порог. Для яраев «роун ге» — это тест на правду. Тот, кто пришел к ним, не питая плохих намерений, не испугается выпить сколько угодно этого напитка, не побоится, что, напившись допьяна, выболтает, с какими мыслями появился. Поэтому, если хозяин видит, что гость пьет, не останавливаясь, он может не опасаться: этот появившийся у него человек не думает убить его.

После аперитива появляется вареный рис и одно местное изысканное кушанье: полевые мыши. Если бы мы по прибытии в деревню не видели у хижины этих грызунов, нанизанных на веревочку, мы, может быть, и не поняли бы, что это такое и съели бы их. Теперь же мы используем всю силу убеждения и все возможные и невозможные доводы, чтобы объяснить гостеприимным хозяевам, почему мы не можем есть это кушанье.

Проходит несколько дней, и мы возвращаемся в привычную для нас реальность. Ходим по рынкам Плейку, где продают предметы первой необходимости, и убеждаемся, что здесь многое можно купить. Но это не может заставить нас забыть удивительные моменты, которые удалось пережить во время этого путешествия. ✘

COVERT ACTION TANTO
ONLY
\$19.95
+\$3.00 SHPG.

Black silent and rugged, this knife will get the job done. Features a 6" blade, sure-grip Zytel® design, "skull crushing" pommel, and incredible penetrating power. 30 day money back guarantee!

Send check or M.O. to: Cutlery Connections® 2101 W. Broadway #171 Columbia, MO 65205-6018